

A close-up portrait of a man with dark hair and a serious expression, wearing a black t-shirt. He is leaning forward with his arms resting on a pink surface. The background is blurred, showing pink and purple floral patterns.

Ефим Шифрин

МИР ТЕСЕН

Короткие истории из длинной жизни

Ефим Шифрин
Мир тесен. Короткие
истории из длинной жизни
Серия «Ефим Шифрин. Короткие
истории из длинной жизни»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64066421

Мир тесен. Короткие истории из длинной жизни / Ефим Шифрин:

Эксмо; Москва; 2021

ISBN 978-5-04-118160-4

Аннотация

Мир тесен не потому, что в нем живет уже почти 8 миллиардов человек. Ей-богу, на Земле еще полно места, где, не спотыкаясь друг о друга, могут мирно разместиться разумные люди.

Но кто я такой, чтобы решать судьбы мира!

Мне важно разобраться с собственной судьбой, в которой на пяточке жизни были скучены ушедшие от меня и продолжают толпиться живые люди – мои родственники, друзья, коллеги и незнакомцы, случайно попавшие в мой мир.

Пока память не подводит меня, я решил вспомнить их – кого-то с благодарностью, кого-то, увы, с упреком...

В коротких историях из длинной жизни трудно поведать все, что мне хотелось рассказать тем, кому, возможно, пригодился бы мой опыт.

Но мой мир – тесен, и я вспомнил в основном тех, кто был рядом.

В этой книге тесно словам и просторно воспоминаниям.

Ефим Шифрин

В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

Внимание! Содержит ненормативную лексику!

Содержание

Мир тесен. Короткие истории из длинной жизни

6

Конец ознакомительного фрагмента.

29

Ефим Шифрин

Мир тесен. Короткие

истории из длинной жизни

© Шифрин Е., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Фото на обложке © Сева Галкин

Мир тесен. Короткие истории из длинной жизни

Черновики превращаются в мемуары лишь тогда, когда собственные грехи оборачиваются в них всеобщей неправотой окружающих...

Однажды я летел в самолете из Саратова с небольшой группой хасидов. Они сидели по диагонали от меня, заняв через проход пару рядов тройных кресел. Когда пришло время молитвы, самый молодой из них, безошибочно узнав во мне человека, к которому есть смысл обратиться, показал жестом, не хочу ли я воспользоваться тфилин – известным всем верующим евреям приспособлением, состоящим из кожаных ремешков, продетых через две маленькие коробочки, одна из которых прикрепляется к руке, а другая посередине лба, а точнее, на линии волос, даже если они когда-то там были. Мои читатели знают, как я безнадежно ненабожен, и я ответил молодому парню, что лучше сделаю это дома.

– У тебя есть? – доверчиво спросил он.

Кивком я дал знать, что не стоит беспокоиться.

И затем утонул в облаках воспоминаний.

Можете ли вы себе представить, что на Колыме у нас действительно были тфилин! Я часто наталкивался на голубую коробочку, когда изучал содержимое особого сундука под

сиденьем дивана. Там хранились пластинки с еврейскими песнями, Пятикнижие на двух языках издания 1913 года, какие-то мамины безделушки и бесполезные раритеты вроде выходных туфель или ридикюля, альбомы с фотографиями и, кажется, пара верблюжьих одеял на случай, если я опять заболею воспалением легких.

В один из дней папа вытащил голубую коробочку и объяснил нам с братом назначение таинственных ремешков.

Не знаю, сохранил ли мой брат Самуэль эту коробочку в многочисленных переездах после кончины отца, но Книга, обернутая по традиции прежних времен в гладкую бумагу, каким-то образом оказалась у меня.

О том, что отец был верующим, я узнал только в самом конце его трудной жизни, когда в письмах ко мне и в личном завещании, написанном от руки в больнице Рамат-Гана, он ссылаясь на «нашего доброго Бога», который и после его смерти должен был хранить нашу семью.

Во мне нет религиозного чувства, я также ничего не могу сказать о набожности моей матери, поскольку вырос в те времена, когда на Колыме даже православным не полагалось церкви. Но маленькое приключение в самолете привиделось мне началом книги, которую я и выношу на суд своих верующих и неверующих читателей.

Два плюшевых полотна, собранных петлями у простенков в конце коридора, который длинной стороной буквы «Г» сначала вел от комнаты тети Маши, расположенной напротив входа в квартиру, мимо туалета, а потом заворачивал короткой чертой в кухню – возможно, все началось с этого занавеса. . . За ним, посреди комнаты, служившей до Элькиного приезда гостиной, стоял круглый стол, покрытый скатертью из того же синего плюша, который становился серебристым, если гладить его против ворса. Над столом висел желтый тканевый абажур, отороченный по кругу чуть более короткой, чем у скатерти, бахромой.

Малый зал моего домашнего театра предназначался для кукольных представлений. В верхней половине двери в смежную комнату был стеклянный проем – я становился на стул позади двери и, держа за ноги своих игрушечных человечков, передвигал их в плоскости, параллельной стеклу, и озвучивал, как мне тогда казалось, разными голосами.

Театр, по-видимому, начался еще в бараке, из которого мы переехали в типовой шестнадцатиквартирный дом в 1960 году, но, к сожалению, если бы не фотография, запечатлевшая меня на велосипеде у крыльца нашего прежнего жилища, я бы даже не вспомнил, каким именно надо обрисовать его читателю.

Пока же настоящий театр таился в самом главном для меня доме поселка – в конце центральной улицы, в местном клубе, где в роли хулигана с нарисованным синяком успел блеснуть мой брат (в миниатюре под названием «День рождения») и где блеснул я, только спустя четверть века после нашего отъезда с Колымы, во время моих первых гастролей по Магаданской области.

Мой брат Самуэль рассказывает:

Схватки у мамы начались с утра 28 февраля 1955 года. Но в Адыгалахе была только поликлиника, и обычно роды принимала какая-нибудь акушерка из бывших зэчек, уже жившая на поселении. В тот февральский день она болела, поэтому роды принять не могла.

Местный фельдшер сказал, что надо ехать в Нексикан и рожать там – в больнице. Почти все машины были в рейсах, незанятые шоферы отдыхали. Нашли вроде один газик, но водитель был в отгуле, потому что завтра должен был везти какого-то начальника в Нексикан с важными документами. Тогда местное руководство решило, что можно взять свободный самосвал, в кабину все же посадить в этот день начальника с документами, а роженицу, жену «врага народа», поместить в кузове. Для нее даже поставили скамейку.

Выехали после обеда. Расстояние от Адыгалаха до Нексикана – 125 км. Подъемы, повороты, дорога скользкая, еха-

ли не быстро, но все равно мама несколько раз соскальзывала со скамейки на металлический пол. Два раза останавливались в дороге – сходить в туалет прямо на обочине, в страшный мороз. В третий раз остановились надолго: что-то случилось с мотором.

Этот начальник, не уступивший кабину несчастной женщине, несколько раз выходил пройтись, размять ноги, забирался на борт и спрашивал маму, жива ли она еще. Мама отвечала, что жива, хотя чувствовала, что обливается кровью.

Приехали поздно вечером. Сама идти до отделения уже не могла. Пришли санитары. Вынесли из машины. Потом без всякой операции ребенка с очень крупной головкой вытащили, но он был уже весь в крови и не дышал. Мама тоже несколько раз теряла сознание. Поздно ночью, когда пришла в себя, ей сообщили, что ребенок мертв, и принесли его.

Этому крошечному человеку по имени Марик мой младший брат Нахим обязан жизнью: он родился спустя год и один месяц. Останься Марик жив, родители бы вряд ли решились завести третьего ребенка на Колыме.

* * *

Не знаю, может быть, и есть счастливицы, которые помнят свой первый крик по выходе из материнского лона. Мое первое яркое воспоминание – это пожар в Сусумане. Что горело

– не помню. Но зарево это осветило все, что случилось потом, включив в тот момент мою детскую память. Я родился весной 1956 года и знаю, что меня привезли из роддома сначала в Адыгалах. Мой старший брат Элик помнит, как ждали машину с родителями и новорожденным из Нексикана. Он стоял на пригорке возле дома, вместе с тетей Машей, маминной сестрой, которую наш отец забрал с Урала, где она пережила эвакуацию в семье старшей сестры, – просто заехал за ней в село Бреды, возвращаясь из своей вольной поездки на материк. Всю жизнь тетя Маша потом прожила вместе с нами.

Дело было вечером. Маша шутя спросила у Эльки:

– Ты хочешь, чтобы тебе привезли мальчика или девочку?

УЗИ, ясное дело, тогда не было. Элька чуть не поперхнулась от шанса занять на свою голову сестренку.

– Конечно, мальчика!

– А вдруг мама родила девочку?

– Значит, пускай она останется там, в Нексикане...

Со слов брата я могу описать и дом, в котором прожил ровно одну зиму, – до того, как мы переехали в дом у дамбы, тянувшейся вдоль реки Берелех.

Это был продолговатый одноэтажный барак с несколькими квартирами в техснабовском поселке на окраине Сусумана. Как и в нынешних коттеджах, в каждую квартиру имелся отдельный вход. Разница с сегодняшними таунхаусами состояла, пожалуй, в том, что воды и туалета в доме не было.

Уборная располагалась на улице. Не было и колонки. Раз в день во двор заезжала машина с цистерной, рядом с ней выстраивалась очередь, и жильцы тащили воду в ведрах домой. Элька рассказывал, как однажды в очень суровую зиму мама отправилась за водой, а он, заждавшись взрослых и не зная, как еще оповестить о своем отчаянии, снедаемый ревностью к маленькому человечку, который спал в общей комнате, сначала осторожно примеривался, а потом уже, поддавшись детскому капризу, разбил оловянной ложкой оконное стекло.

– До сих пор помню, как я это сделал, и как морозный воздух ворвался в комнату, как мама даже не стала меня ругать, а только горько заплакала. Где были папа и Маша, не помню... Наверное, на работе. Как ты только тогда не простудился, лежа в маленькой коляске, на этом внезапном сквозняке...

Была еще собака Тобик, которая однажды раздухарилась и взметнувшейся цепью огрела маму.

У нас в семейном альбоме есть этот снимок – мама с фингалом под правым глазом. Эта фотография не для посторонних глаз.

Для читателей у меня есть другие – где моя мама всегда улыбающаяся и красивая.

Эльку отправили к бабушке в Оршу в 1958 году. Мне было уже два года, старший брат рос слабеньким; было решено, что у бабки, в распоряжении которой был большой сад и огород, ребенок отъестся, наберется сил, а потом мы снова заберем его на Колыму, если до того не вырвемся оттуда сами. Шестилетний мальчишка под присмотром двух женщин, знакомых наших родителей, которые сорвались в отпуск на материк, добрался из Сусумана до Москвы самолетами с пересадками в Магадане, Охотске, Хабаровске и Красноярске. Добрые женщины отвезли его из Внуково на такси в Клязьму, где жила жена погибшего на войне папиного брата, по совместительству его же троюродная сестра, а через неделю Элька, тетя Лиза и ее новый муж дядя Саша поехали на Белорусский вокзал, где встретили родного брата отца – однорукого дядю Гесселя, ставшего инвалидом во время войны. Вместе с ним на следующий день Элик и уехал в Оршу.

Спустя год я с родителями впервые поехал к бабушке в Белоруссию – тоже сначала самолетами с остановками и пересадками, тоже с недельным гощением в Клязьме, а потом – на паровозе с большими красными колесами и протяжным гудком, который многие помнят лишь по военным фильмам.

Колымский отпуск длился почти все лето, поскольку папа брал его ровно раз в два года. Пятилетним мальчишкой в

1961 году я с родителями еще раз повторил этот путь, а еще через пару лет, 8 сентября мы выехали из Орши уже вместе с братом. Заехали в настоящую границу – в Ригу, где жила мамина тетка. 17 сентября мы приземлились на сусуманском аэродроме. В единственную в городе общеобразовательную школу пошли уже на следующий день, а еще через день с папками для нот, на которых был выдавлен гордый лик композитора Чайковского, зашагали на занятия в музыкальную школу.

В то время, пока я не видел Элика, он жил для меня в синем почтовом ящике – на стене нашей сусуманской почты, совсем маленький, как игрушка Дюймовочка, и получал там письма от родителей, а от меня – веселые открытки. Я все время думал о брате, думал о том, что мы обязательно снова будем жить вместе. Но вместе мы жили недолго – два года на Колыме, когда я еще был совсем крохой, потом два года после его возвращения из Белоруссии, потом совсем немного – в Юрмале, где у него началась своя взрослая жизнь, еще чуть-чуть в Москве – на съемной квартире в Малом Ивановском переулке и теперь уже неразлучно – в окошке скайпа, куда помещается вся наша семья – с тремя моими племянниками и семью чудесными внуками.

* * *

Там все – в той грязи, которую стеклянная гребенка льда

делала свежей, остро пахнувшей весной, там, где вовсе не было никакой грязи – ни на голубике, ни на жимолости (но только матовая пыль на крупных ягодах), там – в моем навсегда родном поселке, в сыром доме, который никогда – никто! – до недавних пор не называл бараком, – там, в крохотном чипе поблекшей памяти остались и солнце, и свет, и живые родители, и брат, и велик, и кошка...

Иногда мне кажется, что инерция, с которой я прожил остальную жизнь, вся была сообщена нетерпеливым ожиданием сусуманской весны. Ее – какую-то из них – я всегда узнаю в похожих друг на друга вёснах, неотличимых за шестьдесят с лишним лет...

И та сверкающая льдинками грязь мне слаще прустовского печенья, и нет для меня ничего мучительнее и роднее той колымской весны в моей сегодняшней усталой московской осени...

* * *

Она всегда жила вместе с нами. Родители забрали ее к нам на Колыму, когда в первый папин отпуск заехали к старшей маминной сестре в уральское село Бреды. Сестер вообще было четверо. Еще одна преподавала русский язык в Орше. Единственный их брат Иосиф встретил войну в Брестской крепости и, вырвавшись из окружения, погиб в лагере военнопленных около города Бяла-Подляска.

Младшую мамину сестру звали Мина. Но в паспорте, а потом и на могильной плите написано «Мария» – под этим именем ее знали на работе, и лишь у нас в семье, где говорили вперемежку на русском и идиш, она продолжала оставаться Миней – так, как нарекли ее в 1924 году, когда она появилась на свет в Лядах, маленьком белорусском местечке Дубровинского уезда.

Вам, наверное, знаком этот тип женщины, которая всегда живет для других, считая семью своей сестры родной, а к племянникам относится точно как к родным детям.

В молодости Миня была очень красива. Я даже помню всех ее ухажеров в Риге и на Колыме. Но до брака почему-то дело так и не доходило. Моя мама всегда оставалась главнее любого жениха, а мы с Элькой были дороже всех женихов на свете.

Когда мамы не стало, они остались вдвоем с моим отцом – уже совсем пожилые, и после того, как папа решил перебраться в Израиль, Мине не оставалось ничего другого как последовать за ним – разве могла она поступить как-то иначе?

Элькины дети, естественно, стали самыми что ни на есть родными внуками своей на самом деле двоюродной бабушки.

Больше всех, никогда не скрывая своей особой привязанности, она любила меня. Честно говоря, может быть, в силу ее возраста, мне бывало легче объясниться с ней, чем с ма-

мой. Мы проводили много времени вдвоем и даже покуривали втайне от мамы, которую, как ни странно, побаивались, помня ее острый язык и особенно – красноречивые взгляды.

Как удивительно работает генетика – не столько в смысле моей уникальной похожести на погибшего дядю или в прямом наследовании актерских талантов матери.

Минина судьба мистическим образом повторилась в моей, буквально скопировав основную сюжетную линию. Мне, как и Мине, никогда не приходилось жалеть о своей участи: вокруг меня – родные дети и уже подросшие родные внуки, и для меня всегда дико звучит, когда кто-то намекает мне, что «они – все же не ваши...».

Справка о моем дяде Иосифе Цыпине из Музея Брестской крепости

Цыпин Иосиф Ильич (1918–1941)

Выявлен в 1957 году из письма сестры С. С. Смирнову – Зинаиды Ильиничны Цыпиной (сканированный вариант прилагается).

Уроженец с. Ляды Витебской области Белорусской ССР, еврей.

На 22 июня 1941 г. – сержант 8-й стрелковой роты 3-го

стрелкового батальона 333-го стрелкового полка.

В книге Х. Д. Ошаева «Слово о полку чечено-ингушском» автор приводит воспоминания ст. сержанта 333-го стрелкового полка Бейтемирова Сайд-Ахмад Мучуевича: «...В феврале 1940 года получил повестку о призыве в Красную Армию, вместе со мной... призвали... также учителя Иосифа Цыпку, еврея по национальности, и Сошенко Николая...

О службе в Брестской крепости Вашего дяди как раз и вспоминал Николай Леонтьевич Сошенко. В справочной карточке он сообщает сведения о сослуживцах, в т. ч. и о И. И. Цыпине: „Ком. отд. Цыпин Иосиф Ильич, 18–19 г., ст. сержант“.

Участие И. И. Цыпина в обороне Брестской крепости подтверждает Евгений Георгиевич Хлебников: „Проходя с боем участок в 75 метров к столовой комсостава в центре крепости возле костела в зверской рукопашной схватке сержант 8-й стрелковой роты Цыпин Иосиф и мл. сержант Чалов с 3-й минометной роты уничтожили штыками и огнем 19 человек гитлеровцев, выйдя из боя легко ранеными“.

Один из участников обороны, Александр Федорович Могилев, ошибочно полагал, что И. И. Цыпин погиб в крепости: „...у 3-м батальоне був такий Цыпин, замполит, тоже погиб у крепости“ (орфография сохранена).

О нахождении И. И. Цыпина в плену вспоминал Василий Венедиктович Бабичев:

„Из защитников крепости встречал в плену Цыпина Иосифа – был переводчиком нач. лагеря Ченстохов, говорят, расстреляли, был еврей“. После общения с Вами мы узнали о том, что он не знал немецкого языка, но, видимо, мог его понимать, т. к. семантика еврейского и немецкого языков похожа.

В базе данных „саксонские мемориалы“ и сайта obd-memorial.ru – сведения о И. И. Цыпине отсутствуют.

Основываясь на воспоминаниях сослуживцев И. И. Цыпина, можно сделать вывод о том, что Иосиф Ильич Цыпин действительно участвовал в обороне Брестской крепости, был пленен и, вероятнее всего, был расстрелян.

Находился в лагере для военнопленных около польского города Бяла-Подляска (информация об этом лагере прилагается).

На основании вышесказанного Иосиф Ильич Цыпин был утвержден защитником Брестской крепости на методическом совете в 2016 г.

Имя И. И. Цыпина вынесено на интерактивную карту в экспозиции „Музей войны – территория мира“. В скором времени появится и его фотография»¹.

---

¹ За помощь благодарю белорусских журналистов Сергея Трафилова и Юрия Чарнякевича.

Зимой 1963 года бабушка начала болеть, в мае ее отправили в Ленинград, где жил младший брат отца, Моисей, преподаватель математики и физики; с помощью его жены-врача бабушка Малка-Чарня прошла обследование, во время которого у нее обнаружили рак и не оставили шансов на выздоровление.

В июне того же года родители в очередной отпуск привезли меня в Оршу. Поскольку Малка была уже безнадежно больна, нас с Элькой решили увезти подальше от картины ее тяжелого угасания. Мама списалась со своей тетушкой, нашедшейся в Риге после войны, и та, заручившись согласием своего мужа Петра Соломоновича, пригласила нас погостить в латвийской столице.

Рига предстала перед нами совершенной заграницей. Тетя Зина жила на улице Кирова, на четвертом этаже старинного дома, где они с мужем делили большую четырехкомнатную квартиру с единственной соседкой, пожилой Мирдзой Яновской, занимавшей одну комнату слева от входа.

Запах мастики, которой натирали паркет во всех старых рижских домах, проникал даже на лестницу. Окна квартиры выходили во двор, в который можно было попасть через дверь первого этажа, напротив тяжелых входных дверей. Рядом с домом был молочный ресторан, а через дорогу –

Стрелковый парк, в котором мы с Элькой резвились с утра до самого вечера.

Однажды мама стала свидетельницей сценки, которая удивительным образом определила наше грядущее поселение именно в Риге. Пожилая латышка на маминых глазах подобрала окурок, выброшенный прохожим прямо на тротуар, догнала этого прохожего и, запыхавшись, сказала со значением:

– Молодой человек! Вы что-то уронили...

Эту историю, которую мама с блеском рассказывала, деликатно передавая латышский акцент, я слышал почти на каждом застолье, когда за столом собирались гости, которые ее еще не слышали.

Мама выбрала Ригу. И разве мог папа возражать ей, когда в одну эту байку поместилось все наше восхищение прекрасным городом и еще не виданным укладом жизни.

Через неделю позвонили из Орши. Бабушка умерла. Мама рвалась уехать на похороны, но уже не успевала: у евреев принято хоронить покойников в день смерти.

Еще через неделю мы вернулись в Оршу.

Обратные сборы на Колыму затянулись до конца первой недели сентября. Нужно было собрать в контейнер вещи, в том числе Элькино пианино «Беларусь» и дубовый, еще довоенный, раздвижной стол. Оба эти предмета так и кочевали вместе с Эликом: сначала из Орши в Сусуман, оттуда в Юрмалу, затем в Актогай, куда он получил распределение

после окончания военно-дирижерского факультета консерватории, затем в Алма-Ату, а потом, по странности судьбы, – в Ригу.

* * *

Мы сидели с мамой в конце автобуса, тогда третий и пятый маршруты еще ходили по улице Йомас, и женщина, плюхнувшись на сиденье где-то в районе «Пирожковой», на месте которой теперь стоит гостиница «Юрмала», сказала мне, чуть отдышавшись:

– Ты очень похож на бабушку.

Мама загадочно улыбнулась, а я, задетый до крайности таким неожиданным хамством, ответил:

– Это не бабушка, а моя мама.

В Латвии мама состарилась быстро, ее подъедали диабет и гипертония, но разница в сорок лет между нами чувствовалась ровно до той минуты, пока мама не решала улыбнуться. Улыбка, теперь я это знаю, может омолодить целый зал. А в случае с мамой срабатывала еще надежнее: природа подарила ей ровные белые зубы, которые мама до самого своего ухода чистила только зубным порошком, потеряв незадолго до смерти ровно один незаметно сжеванный зуб.

Она уверяла меня, что в молодые годы чистила зубы мелом, а когда на Колыме появилась китайская зубная паста, тут же отринула ее, поскольку обильная пена, появлявшаяся

во время чистки, вызывала у мамы спазм тошноты.

В Юрмале я перестал болеть так часто, как в Сусумане, после того как мне вырезали гланды.

Я лежал в детской больнице в Булдури с гнойным тонзиллитом, а вышел из нее с новыми знакомствами и с ощущением, что у меня началась новая жизнь. Меня больше никогда не будут закутывать в горчичную простыню, и я, умирая от невыносимого жжения, перестану считать до пятисот, а потом еще чуть-чуть, и еще, и в который раз слушать «Сказку о царе Салтане», которую папа знал наизусть и которую я еще долго помнил, пока эстрадные тексты не выбили из моей головы песни и стихотворения колымского детства.

Мое ощущение здоровья и теперь связано с воздухом весны, а в памяти – с запахом маленьких клейких листков на веточках вербы, которые пускали длиннющие корни в трехлитровой банке на подоконнике. Точно в такой же банке стоял у батареи чайный гриб. В нем плавали настоящие витамины, и вкус этого пьянящего напитка мне не заменили потом ни напиток «Байкал», ни появившаяся уже в Риге пепси-кола.

– У него упадок сил, – говорила мама после того, как осторожно открывалась форточка в нашей с Элькой спальне, ветерок со стороны Морджота влетал в комнату, залитую солнцем, и я знал, что навсегда перестану болеть, если когда-нибудь стану сильным.

У дяди Гесселя не было левой руки, он потерял ее в войну, но не на войне, а при неизвестных мне обстоятельствах; говорили, что это следствие гангрены, развившейся после того, как удалили осколок, но что за осколок, я, честно говоря, не знаю. За несколько лет до смерти Гессель еще и ослеп, но так же, как и мой отец, не терял оптимизма, никогда не жаловался ни на здоровье, ни на жизнь и, лишенный возможности читать, спокойно переключился на радио.

После войны Гессель с семьей жил в Орше, в пяти минутах ходьбы от бабушки, у которой был дом, большой огород, сад и куры. Помню, что Гессель съедал зеленый лук со стрелками, даже не поморщившись, чем приводил меня, маленького, в восхищение, а в школе его одинаково любили родители, учителя и ученики: все очень ценили его преподавание и частное репетиторство и, главное, никогда не разочаровывались в нем после того, как его питомцы держали экзамены в вузы.

Когда мы стали вместе жить в Юрмале, мама и жена Гесселя, как это часто бывает, рассорились; пришлось делить дом: нам достался нижний этаж, а семье Гесселя – верхний, мы почти перестали общаться, хоть и жили под одной крышей, и даже свадьба его младшей дочери отшумела без нас. Эта нелепая размолвка стоила папе обширного инфаркта. Вскоре

семья Гесселя переместилась в Каугури, а мы стали делить двор и сад с чужим семейством, переехавшим в Юрмалу из Слуцка.

* * *

Все равно не успеваешь зажмуриться. Да даже закрыв глаза, я не сумел бы отделаться от этого хруста в ушах. Я возвращался из школы в Яундубулты, вышагивая с портфелем по узенькой, вытоптанной в снегу колее, когда передо мной вырос человек без шапки, в незастегнутом пальто. Он зачем-то уступил мне дорогу, а затем рванул вдогонку проходящей электричке: то есть сначала быстро зашагал, потом побежал, а потом ринулся головой под колеса. Я видел все это – до того момента, когда, отвернувшись, услышал страшный треск сдавленных костей и затем кряхтенье резко тормозящего поезда.

Самоубийца.

Что за горе стояло за его решением уйти из жизни на виду у мальчишки, посреди белого дня? Какая мука предшествовала этому страшному бегу от жизни в никуда – в черную дыру небытия, через готовность испытать возможный ужас самой последней в жизни боли?

Когда мы купили дом в Майори, квартирант, доставшийся нам на время вместе с домом, красивый темноволосый латыш, тоже бросился под поезд у переезда на улице Турай-

дас. Мне было всего десять лет, и я помню только, что к нам приходила милиция и записывала сведения о нем. К сожалению, у этого тихого человека, кроме фамилии Димант, не было вообще никакой известной нам биографии. Появлялся он в общем коридоре утром и вечером, уходя и возвращаясь с работы, и еще оставлял за собой крепкий запах одеколona после походов в туалетную комнату.

Как бы я сейчас хотел узнать: почему он решил уйти? Почему он всегда был один? И почему своим убийцей тоже выбрал поезд?

Господи, я опять закрываю глаза, но даже при закрытых веках вижу это неопишное сальто, которое сделала уже, по-видимому, мертвая старушка, которой неистово сигналлил поезд, приближаясь к другому переезду, у рынка на улице Пилсоню, где в тот час никого не было, да и я, хоть и кричал ей издали, обхватив руками голову, не смог бы перекричать истошный рев тепловоза.

Режиссер Горбань, с которым мы сделали несколько спектаклей, погиб таким же страшным образом, оставив дома слуховой аппарат и тоже не услышав протяжного гудка приближающейся электрички.

Я не Лев Толстой, я не сумею описать эти железнодорожные трагедии так, как однажды и на века получилось у него. Но на мое представление о ценности жизни, о ее хрупкости повлияли не кино, не литература, не самоубийство Анны Аркадьевны, а вот эти реальные, страшные исчезновения лю-

дей, жизни которых так же, как и ее, нелепо закончились под колесами всегда неумолимого поезда.

* * *

Это моя привычка. Ее сформировали не рассудочность и даже не мои представления о морали. Она была продиктована инстинктом самосохранения – я всегда «исчезал» в тот момент, когда дружба была исчерпана или отношения заходили в тупик, в котором глупее всего было бы начать объясняться.

Мое свойство не оглядываться тоже сложилось из-за инстинкта: я умею страдать по поводу существующих отношений и никогда не мучаюсь после того, как они закончились.

Это касается и моих любовей.

О любовях я расскажу когда-нибудь потом; пока я счастлив настоящим, мне не хотелось бы ранить тех, для кого я значил что-то в прошедшем.

Когда мы переехали в Юрмалу, родители оставили нас на попечение тети Сарры, родной папиной сестры, и уехали в Олу, чтобы заработать деньги, которых не хватало для возмещения долгов за покупку дома в Майори. В большом доме разместились несколько семей Шифриных: семья папиного брата Гесселя, только что сложившиеся ячейки двух его дочерей, и наша «опекунша» со своей дочерью – моей кузиной Верой.

Элька продолжил учебу в средней школе в Дубулты, а меня отправили учиться в продленку – восьмилетнюю школу в Булдури.

В четвертом классе, в котором я начал учиться с 1 сентября, в середине года появился еще один ученик – Гриша Смирин. Его семья приехала из Десны, он разговаривал со смешным белорусским акцентом – «шэ́есят» вместо «шестьдесят», а звук «с» под наш залиvistый хохот произносил как мягкий «ш».

Мы были неразлучны до десятого класса, нас сблизили происхождение и белорусские корни родителей, а кроме того, соседство – Гриня жил на параллельной улице, буквально наискосок от нашего дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.